

Этот результат заставил сердце Тань Чжифэна тупо болеть. Он чувствовал, что поступил правильно, но, кажется, правильные поступки не всегда приносят радость.

«Так и должно было быть», — прошептал он себе. «Если бы так было с самого начала, было бы лучше».

Сюй Гань, видя бледное лицо Тань Чжифэна, снял свой поношенный ватник, накинул ему на плечи, обнял его и повёл к двери.

Тань Чжифэн внезапно ощутил небывалое тепло. Хотя, возможно, это была лишь иллюзия, он одновременно почувствовал, как его слабая духовная сила наполняется.

Троица, караулившая у двери, уже давно исчезла без следа. Сюй Гань откинул занавеску, но сам не вошёл.

— Уже поздно, — сказал он. — Мне нужно возвращаться.

Тань Чжифэн вспомнил о сыне Сюй Ганя и спросил:

— Ты ушёл, а как же Лин-эр?

— Попросил других присмотреть ненадолго, — ответил Сюй Гань. — Поэтому мне нужно вернуться. Я приду завтра, и тогда поговорим, если что.

Тань Чжифэн сказал «хорошо». Сюй Гань отступил на два шага, подошёл к невысокой стене, зацепился за неё одной рукой и, легонько улыбнувшись Тань Чжифэну, сказал:

— Младший брат, смотри внимательно. Моё кунг-фу тоже неплохое.

Тань Чжифэн невольно улыбнулся в ответ:

— Конечно, ты даже какого-то Дуань Железную Пагоду победил.

Сюй Гань, напрягая мышцы рук, опёрся о стену и лёгким прыжком исчез за ней. Тань Чжифэн стоял там и услышал, как у стены снова раздался тихий стук. Сюй Гань неторопливо постучал три раза и сказал:

— Я ушёл.

На этот раз Тань Чжифэн не ответил. Через некоторое время за стеной воцарилась тишина.

Тань Чжифэн снял поношенный ватник Сюй Ганя, вошёл в дом и запер дверь на засов. Внезапно он пожалел, что в его таверне не продают вино — сейчас ему очень хотелось выпить.

Он медленно обернулся и был ошеломлён, увидев сидящих в ряд троих:

— Вы... что вы здесь делаете?

— Мы подумали, что тебе может понадобиться немного утешения, — Чжочжо встала и потянула Тань Чжифэна к столу. — Плачь, плачь, я не буду над тобой смеяться, Чанчан тоже, а вот за И-и я не ручаюсь.

Сказав это, она повернулась к И-и:

— Ах, я просто поражаюсь тебе, только ты мог придумать такой жестокий ход — давно потерянные братья! Как ты до этого додумался?

— Это что, так сложно? — неторопливо сказал И-и. — Тань Чжифэн сам говорил, что перерождение Инлуна должно быть либо богатым, либо знатным. Ты думаешь, он действительно стал бы кузнецом?!

— Человеку свойственно ошибаться, и конь может споткнуться... К тому же, разве его три души не были повреждены? Это же не обычное перерождение, так? — Чжочжо всегда не могла удержаться от спора с И-и.

— Хе-хе, человек, конь и ты — все могут, но Инлун — нет. Он Драконий Бог, понятно? — И-и снова взглянул на Тань Чжифэна. — Ладно, что такого в братьях? В четырёх морях все братья. А ты ведёшь себя так, будто небо рушится. Сейчас главное — выжить. Если жизни не будет, что ты сможешь сделать?

— Я... я выгляжу очень... подавленным? — подняв голову, спросил Тань Чжифэн. — Как думаете, Сюй Гань это заметил?

— Ты... ты просто выглядишь так, будто хочешь плакать, — Чанчан посмотрела на Тань Чжифэна и ответила. — Братик Чжифэн, ты хочешь плакать?

— Не-а, — подумав, ответил Тань Чжифэн и встал. Этот день был слишком долгим. Сначала Сюй Гань и Чжань Чжао поссорились, потом Чэнь Цин и Чжань Чжао подрались, а сам он ещё и сбегал в Институт Гуанвэнь, чтобы отшить человека... Ловля воров, раскрытие дела, признание родства... Жизнь была полна до краёв.

— Ой? Что это? — Чжочжо тоже собиралась отдыхать, но наступила на что-то на полу.

— Сказание Чжан Шаньчу? — И-и наклонился, поднял его и презрительно покачал головой. — Посмотрите на этих чиновников, работают ещё небрежнее, чем ты.

— Что ты опять несёшь?! — Чжочжо выхватила сказание из рук И-и. — Дай посмотреть!

— Хм-хм, это единственный экземпляр, я тебе его не отдам, — И-и поднял сказание высоко, заставив Чжочжо прыгать от нетерпения. Видя, что она пытается залезть на стул, Тань Чжифэн, встав на цыпочки, одним движением руки забрал сказание себе.

— Прекратите, ложитесь спать. Завтра работать надо или нет?

— Хочу напомнить вам, что скоро конец месяца. Если мы не сможем заплатить за аренду, то действительно окажемся на улице, понятно?! — сказал Тань Чжифэн, поднимаясь по лестнице.

— Это твои и И-и заботы! — крикнула ему в спину Чжочжо.

Тань Чжифэн подождал немного. Никто не поднимался. Хотя троица только что весело скакала, они, вероятно, уже были измотаны. В конце концов, они недавно приняли человеческий облик и не могли так долго продержаться, не выдержав такой суматошный день.

«Ива у павильона, ива у павильона, дождёшься ли возвращения человека с концом весны? На дворовых деревьях каждый год гнездятся новые ласточки, зачем же посылать письмо префекту издалека?» Тань Чжифэн не мог уснуть и просто листал сказание. Действительно, как и говорила Чжочжо, после того как кузнец Ван выкупил куртизанку А-Лю, он один отправился на

границу воевать.

Тань Чжифэн аккуратно отложил книгу и приготовился ко сну. Он тоже очень устал сегодня, но стоило ему закрыть глаза, как перед ним снова начали мелькать разные картины...

То А-Лю с лицом Чжочжо бросается на него: «Господин Ван, не уходи!», то Чжань Чжао с мечом наперевес, сдвинув брови, грозно кричит: «Я — командующий четырёх корпусов стражи Драконьего Бога, защитник Юнчжоу Ван Цзинхэн! Ваши предки из поколения в поколение пользовались милостью Великой Сун, как вы можете быть такими неблагодарными и сметь вторгаться на земли Великой Сун...»

Бряцание оружия, клубы жёлтого песка, в ушах — оглушительные крики и ржание. В мгновение ока пыль рассеивается, и незнакомый старик с доброй улыбкой смотрит на него: «Хе, ты так похож на Шаньчу в детстве!» И-и трясёт перед ним мешочком с деньгами: «Тань Чжифэн, иди спать на улицу». Чанчан обнимает его за ногу: «Братик Чжифэн, у тебя теперь тоже есть брат!»

* * *

Ива у павильона, ива у павильона, дождёшься ли возвращения человека с концом весны?

Тань Чжифэн медленно шёл вперёд, сквозь долгое время, и постепенно почувствовал дыхание весны. Лёгкий ветерок колыхал длинные, низко опущенные ветви ивы. В конце дороги его ждал молодой человек в красной одежде и белой рубашке. У него были глубоко посаженные глаза, в которых сочетались учёность и величие, и они сияли удивлением и радостью.

Тань Чжифэн с тревогой остановился. Он едва мог дышать, всем сердцем желая, чтобы всё это оказалось сном и поскорее закончилось. В его сердце зародился глубокий страх, он боялся, что открывает путь к какому-то непредсказуемому финалу.

Молодой человек, видя, что он не приближается, сам пошёл к нему. Они становились всё ближе, и облик мужчины становился всё чётче. Это был человек, которого он оберегал более двадцати лет, но сквозь эти тёмные глаза он смутно уловил ту самую душу, что была с ним тысячи лет. Они парили в облаках, погружались в глубины рек, шли рука об руку, сидели плечом к плечу, жили вместе в глухих, безлюдных горах.

Тань Чжифэн знал его лучше, чем самого себя. Его первоначальное любопытство превратилось в благодарность, благодарность — в восхищение, восхищение — в привязанность, и в конце концов всё это слилось в чувство, которое Тань Чжифэн и сам не мог описать.

Мужчина ничего ему не сказал, лишь молча смотрел на него. Казалось, он то ли любит, то ли пытается что-то распознать. Когда он наконец заговорил, Тань Чжифэн подумал, что он спросит: «Кто ты?»

Но он сказал: «Это ты. Я видел тебя».

Его рука потянулась к нему. Тань Чжифэн наконец не выдержал. За тысячи лет у него никогда не было такой возможности — так близко, так отчётливо ощутить его присутствие. Он снова превратился в белый туман и растворился среди шелковистых ветвей ивы.

Молодой человек быстро шагнул вперёд, пытаясь удержать рукой рассеивающийся белый свет. В этот момент лёгкий ветерок коснулся его щеки, его взгляд потемнел, и то, что произошло мгновение назад, исчезло из его памяти.

Тань Чжифэн с беспокойством наблюдал, как мужчина в тревоге ищет его повсюду. Он всё ещё чувствовал головокружение от напряжения. Он остановился на ветке, успокаивая свою слишком быстро текущую духовную силу.

Наконец, ветер, унося с собой тёплое дыхание весны, ушёл, и Тань Чжифэн тоже успокоился. Он открыл глаза. Рассвело.

* * *

— Братик Чжифэн, братик Чжифэн! У тебя теперь тоже есть брат!

Тань Чжифэн устало встал, поправил два растрёпанных пучка на голове радостно смотрящего на него Чанчана и похлопал его по голове:

— Да, пошли вниз работать, зарабатывать на аренду.

Они вместе спустились по лестнице, старые ступени скрипели под ногами. Едва они дошли до середины, как внизу раздался громкий стук в дверь.

Тань Чжифэн удивился. Так рано, он ещё даже не начал готовиться. Кто бы это мог быть? К тому же стук был настойчивым и громким, не похожим на стук тех хрупких учёных, что были его клиентами.

— Иду! — крикнул Тань Чжифэн, в несколько шагов спустился вниз и открыл засов. Не успел он опомниться, как занавеска с шумом отлетела в сторону. На пороге стоял тот самый мужчина средних лет, который сдал им дом в первый день.

Этого человека звали Чэнь Дафу, и Тань Чжифэн немало слышал от учёных жалоб на него. Он присматривал за всеми домами в переулке Пшеничной Соломы и то и дело обдирав жильцов, но если протекала крыша или сквозило из окна, он никогда не вмешивался, а ещё и ругал жильцов.

Он никогда не беспокоил таверну Тань Чжифэна, лишь время от времени подбегал к входу в переулок и украдкой бросал взгляды. Тань Чжифэн был немного удивлён, что сегодня он пришёл к нему.

Чэнь Дафу ещё не успел открыть рот, как И-и уже вышел из-за стойки и встал перед Тань Чжифэном:

— Почтенный Чэнь, до конца месяца ещё далеко. Зачем вы пришли?

— Зачем? — Чэнь Дафу скосил свои слегка выпуклые глаза, заложил руки за спину, а за ним стояло несколько здоровенных слуг. — Если я приду в конце месяца за арендой, вы, может, уже сбежите, и что мне тогда делать? Вы, ребята...

Он злобно ткнул пальцем в И-и, а затем в Тань Чжифэна:

— Деревенщины, не знаете правил нашего Кайфына! Вы первый месяц снимаете это заведение, да ещё и залог не полностью внесли. Мой господин, услышав об этом, сильно меня отругал. Говорю вам, если сегодня же не доплатите за год вперёд, то собирайте свои манатки и убирайтесь!

— За год? — Тань Чжифэн усомнился, что правильно расслышал. — Разве мы не

договаривались на полгода?

— Я тогда просто пожалел вас! — Чэнь Дафу упёр руки в бока, а его слуги бросили на пол плетёную корзину Тань Чжифэна. — Всего-то несколько одежд, несколько потрёпанных книг. В ломбарде за это и связки монет не дадут...

<http://bllate.org/book/14942/1323822>